

Инна
Бронская

после

ИЗМЕНЫ

Я НЕ УМРУ

без твоей любви

Инна Вронская

После Измены. Я не умру без твоей любви

<https://litres.ru/74176799>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тимур стоит у стола. Перед ним — она. Молодая, светловолосая, в расстегнутом халате.

Я должна уйти. Должна развернуться и исчезнуть, пока он не увидел меня. Но не ушла

Девушка замечает меня, застегивает халат и убегает. Я и муж остаемся одни.

— Ты вообще любил меня когда-нибудь? — спрашиваю я, Тимура.

— Ева, — отвечает он жестко. — Ты хочешь поговорить о любви? Сейчас? С твоим диагнозом?

Я замираю. Он знал

— Я говорю то, что ты не хочешь слышать. — Муж делает шаг ко мне. Не чтобы обнять. Чтобы добить. — Я видел твои анализы. Тебе жить осталось два понедельника. И ты пришла сюда выяснять, люблю я тебя или нет? Лучше напиши на меня завещание, тебе все равно в могилу ничего не забрать.

Наследство от отца, имущество, его научные работы. Пока ты еще в состоянии, нужно все оформить.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Инна Вронская

После Измены. Я не умру без твоей любви

Глава 1

Я просыпаюсь от того, что за окном еще темно, но я уже чувствую его дыхание. Ровное, спокойное. Тимур спит на краю кровати, будто мы не муж и жена тринадцать лет, а случайные попутчики в купе, которым выпало делить одно пространство до утра.

Я смотрю на его затылок. На жесткие черные волосы с первой сединой у висков. На линию плеча, напряженную даже во сне. Мне хочется прикоснуться. Я всегда хочу к нему прикоснуться. Тринадцать лет — а это желание не притупилось ни на день. Оно живет во мне где-то под ребрами, теплым, почти болезненным светом.

Осторожно, стараясь не разбудить резким движением, я придвигаюсь ближе. Кладу ладонь ему на грудь. Чувствую, как бьется сердце — редкие, тяжелые удары.

— Тимур... — шепчу я в темноту. — Ты спишь?

Он не отвечает. Я знаю, что не спит. Я чувствую это по дыханию — оно изменилось, стало поверхностным, насторо-

женным. Но он не открывает глаза. Не хочет начинать этот день с разговора. Со мной.

Я целую его в плечо. Губы касаются теплой кожи, и я закрываю глаза, вдыхая его запах — больница, дорогой гель для душа, кофе, который он пьет черным без сахара. Мне кажется, если бы меня ослепили, я все равно нашла бы его в толпе по этому запаху.

Моя рука скользит ниже. Под простынь. По плоскому твердому животу. Я чувствую, как напрягаются мышцы под моими пальцами, и в этом напряжении нет желания. Есть только готовность терпеть. Снисходить. Позволять.

— Ева. — Его голос хриплый со сна, но в нем уже звучит тот самый тон. Тон, каким он разговаривает с ординаторами, которые пришли с неправильно оформленными историями болезни. — Вчера было тяжелое дежурство.

Не «я устал». Не «прости, милая». Просто констатация факта. Вчера было тяжелое дежурство. Точка. Возражения не принимаются.

Я убираю руку. Сажусь на кровати, натягивая одеяло на грудь. За окном начинают зажигаться первые фонари, и серый утренний свет просачивается в спальню, делая все плоским, бесцветным, безжизненным.

— Я просто соскучилась, — говорю я тихо. — Мы почти не виделись три дня.

Тимур открывает глаза. Смотрит в потолок. Потом поворачивает голову, и его взгляд останавливается на мне.

— Я же здесь, — говорит он. — Чего тебе еще?

Чего мне еще? Я сглатываю ком в горле. Я могла бы сказать: «Любви. Нежности. Тепла. Хотя бы раз проснуться и почувствовать, что ты рад меня видеть, а не просто терпишь рядом».

— Ничего, — отвечаю я. — Мне ничего не нужно. Ты просто поспи еще.

Он садится. Секунду сидит неподвижно, потом наклоняется и целует меня в плечо. Быстро, сухо, почти целомудренно. Как целуют икону перед выходом из дома. Или больную тетюшку, которой осталось недолго.

— Кофе будешь? — спрашивает он, вставая.

— Сделаю.

— Я сам. Ты еще полежи.

Это не забота. Это способ избежать совместного утра. Я знаю. Но я все равно благодарна ему за эту маленькую ложь. За то, что он делает вид, будто я ему нужна.

Через десять минут я выхожу на кухню. Тимур уже одет — темно-синий костюм, безупречно наглаженная рубашка, волосы уложены. Он пьет кофе, стоя у окна, и смотрит на улицу. Город просыпается, но Тимур будто не здесь, не в этой квартире, не в этой жизни, которую мы строили тринадцать лет.

— Ева, — говорит он, не оборачиваясь. — Сегодня последний день, когда можно забрать результаты профосмотра. Если до вечера не сдашь заключение старшей медсестре,

тебя не допустят до работы.

— Хорошо, — киваю я. — Я заеду.

— Не заедешь, а заберешь. Сразу, как выйдешь из дома. — Он наконец поворачивается. Смотрит на меня поверх чашки. — Это важно. Не тяни.

— Заберу, — повторяю я. — Ты сегодня на обходе?

— Да. И вечером планерка. Буду поздно.

Я киваю. Пью кофе. Кофе горький, хотя я люблю с молоком и сахаром. Тимур варит так, как любит сам. И я пью.

— Я пошел, — говорит он. — Дверь захлопни.

Даже не прощается. Просто ставит чашку в мойку и уходит. Слышу, как щелкает замок входной двери, и в квартире наступает та особенная, густая тишина, которая бывает только когда уходит тот, кого любишь, а ты остаешься.

Я сижу за столом, обхватив чашку ладонями. За окном окончательно рассвело, но в моей душе все еще серые сумерки.

— Глупая, — говорю я себе шепотом. — Чего ты ждешь? Он никогда не изменится. Ты знала, за кого выходила.

Знала. Папа сказал: «Надежный человек. Не разменивается на чувства, но предавать не будет». И я поверила. Потому что папа никогда не ошибался. Потому что Тимур был его лучшим учеником. Потому что мне двадцать два, я только закончила ординатуру, а он уже заведующий отделением, блестящий хирург, человек, которым восхищаются, на которого молятся пациенты, которому прощают холодность и

жесткость, потому что он спасает жизни.

Допиваю кофе. Мою чашку. Его чашку. Ставлю в сушилку. Иду в ванную, долго смотрю на себя в зеркало. Мне сорок один. В зеркале — женщина с правильными чертами лица, чистой кожей, темными волосами, собранными в низкий пучок. Женщина, которая выглядит моложе своих лет, но чувствует себя столетней старухой. Женщина, которая поставила на ноги сотни пациентов после инсультов, но не может вылечить собственное сердце от привычки любить того, кто берет эту любовь как данность.

Я беру сумку, ключи. Надеваю пальто. Выхожу.

Клиника встречает меня привычным запахом хлорки, лекарств, тревоги и надежды. Я иду по коридору, здороваюсь с коллегами. Кто-то улыбается, кто-то отводит взгляд. Я знаю, что за глаза меня называют «женой заведующего». Не Евой Андреевной, не блестящим реабилитологом, а просто приложением к Тимуру. Раньше мне было обидно. Теперь — все равно.

Кабинет медкомиссии в торце коридора. Стеклоанная дверь с матовой вставкой. Я открываю ее, ожидая увидеть Надежду Петровну, нашу вечно недовольную старшую медсестру, которая выдает заключения с таким видом, будто вручает повестку в суд.

— Ева Андреевна? — Из кабинета выглядывает незнакомая девушка в белом халате. — Вас ждут. Проходите, пожалуйста, в триста сорок пятый.

— А мое заключение? — Я растерянно оглядываюсь. — Надежда Петровна обычно здесь...

— Вас ждут в триста сорок пятом, — повторяет девушка. — По поводу результатов осмотра.

У меня холодеют пальцы. Я врач. Я знаю, что результаты осмотра не обсуждают в отдельном кабинете, если все в порядке. Я сама направляла пациентов на дообследование, сама подбирала слова, чтобы не напугать, но сказать правду.

Триста сорок пятый — кабинет маммолога.

Я иду по коридору, и каждый шаг отдается в висках глухим, нарастающим стуком.

Вхожу.

— Ева Андреевна, присаживайтесь. — Женщина за столом смотрит на меня с тем особенным, профессиональным сочувствием, которое я сама так часто использовала. — Я получила результаты вашего скрининга. Есть некоторые моменты, требующие уточнения.

— Какие? — Мой голос звучит чуждо. Будто говорит кто-то другой. — Конкретно, пожалуйста. Я врач, могу воспринимать информацию без подготовки.

Она вздыхает. Кладет передо мной снимки. Я смотрю на них и вижу то, что видела сотни раз на снимках своих пациенток. Но это не чужая грудь. Это моя. И это уплотнение — не мираж, не ошибка лаборанта. Это то, что называют «подозрительное образование».

— Нужна биопсия, — говорит врач. — И консультация

онколога. Я уже договорилась, вам придет смс с датой и временем. Не откладываете, Ева Андреевна.

Я киваю. Собираю снимки в папку. Встаю. Мои руки не дрожат. Ноги держат. Голова ясная.

— Спасибо, — говорю я. — Я позвоню.

В коридоре я прислоняюсь к стене. Мимо проходят люди, снуют медсестры с капельницами, санитарка везет тележку с бельем. Обычная больничная жизнь. Моя жизнь. Которая только что разделилась на «до» и «после».

Я достаю телефон. Нахожу Тимура в списке контактов. Набираю.

— Слушаю. — Его голос сухой, занятой. На фоне слышны голоса, шум аппаратуры.

— Тимур, мне нужно тебе сказать. Я только что из маммологии. У меня... подозрительные анализы. Нужно делать биопсию.

Тишина. Я слышу, как он дышит. Один вдох. Второй.

— Приноси снимки вечером, — говорит он наконец. — Я посмотрю.

— Ты можешь сейчас? Я приду в отделение.

— У меня обход. Вечером.

Короткие гудки.

Я смотрю на телефон. Он не спросил, боюсь ли я. Не сказал, что все будет хорошо. Не предложил приехать. Просто назначил время для изучения медицинских документов. Как будто я — чужая пациентка, а он — консультант, которому

заплатили за второе мнение.

Я кладу телефон в сумку. Расправляю плечи. Иду в свое отделение.

У меня сегодня три пациента после инсульта. У одного не восстанавливается речь, у второго — паралич левой стороны, третья — пожилая женщина, которая плачет каждое утро и не верит, что когда-нибудь сможет ходить. Я нужна им. Я не имею права разваливаться на части.

Я буду сильной. Я всегда была сильной. Я переживу и это. Вечером я жду Тимура. Сажу на кухне, передо мной остывший ужин и папка со снимками. За окном темно, в графине на столе засох букет — я купила его три дня назад, надеясь, что он заметит. Он не заметил.

Замок щелкает в половине двенадцатого.

— Ты не спишь? — Тимур проходит на кухню, мельком смотрит на ужин, на папку, на меня. — Давай сюда.

Я протягиваю снимки. Он включает верхний свет, подносит их к лампе. Смотрит долго, молча. Его лицо непроницаемо, и я не могу прочесть ни одной эмоции.

— Ну? — Мой голос срывается. — Что скажешь?

— Сложно сказать без биопсии, — отвечает он. — Гистология покажет.

— Тимур. — Я встаю, подхожу ближе. — Ты боишься за меня? Ты вообще... переживаешь?

Он поднимает на меня взгляд. Усталый, отстраненный. Смотрит как на симулянтку, которая жалуется на головную

боль, чтобы уйти с дежурства.

— Ева, я врач. Мое дело — лечить, а не переживать. Иди спать, завтра рано вставать.

Он кладет снимки на стол, поворачивается и уходит в спальню.

А я остаюсь стоять в свете кухонной лампы, и во мне что-то обрывается. Тихо, без звука.

— Господи, — шепчу я в темноту. — За что?

Но ответа нет. Есть только холод простыней и тишина человека, который спит рядом с тобой, но не с тобой. И завтра наступит новый день, в котором я поеду на биопсию, а он уйдет на обход.

Я зажмуриваюсь.

И впервые за тринадцать лет позволяю себе не верить, что все будет хорошо.

Глава 2

Я в Питере третий день, и город встречает меня ледяным дождем. Он бьет по стеклу окна в гостиничном номере, стекает мутными ручьями, и мне кажется, что это небо плачет за меня. Я сижу на краю кровати, сжимая в руках направление на биопсию, и пытаюсь дышать.

Я врач. Я знаю, как это делается. Тонкая игла. Ультразвук. Забор материала. Потом неделя ожидания, которая растянется в вечность. Но я не думаю об игле. Я думаю о Тимуре. О том, как приеду домой, войду в его кабинет, положу результаты на стол. Он посмотрит на меня своим тяжелым, изучающим взглядом, скажет: «Разберемся». И я поверю. Я всегда ему верю.

— Ева Андреевна? — В дверь стучат. — Через пятнадцать минут ваша очередь.

Я встаю. Ноги ватные. В груди поселился холодный, скользкий ком страха. Я беру сумку, иду по длинному коридору, и каждый шаг отдается в висках. Не бойся. Ты сильная. Ты врач. Ты справишься.

Кабинет онколога пахнет страхом. Я знаю этот запах — сотни моих пациентов приносили его на своих пальто, в складках одежды, в глазах. Теперь это мой запах.

— Присаживайтесь, Ева Андреевна. — Женщина в белом халате смотрит на меня устало и сочувственно. Она видела

сотни таких, как я. Она знает, что сейчас скажет.

Я сажусь. Смотрю на свои руки. На обручальное кольцо, которое Тимур надел мне тринадцать лет назад. Оно немного велико, я похудела за последние месяцы. Раньше я думала — от стресса на работе. Теперь знаю — от болезни.

— Результаты биопсии неутешительные. — Голос врача ровный, профессиональный. Она называет диагноз. Рак молочной железы. Агрессивная форма. Тройной негативный подтип.

Я слышу слова, но они входят в меня как иглы — остро, глубоко, невыносимо. Тройной негативный. Самый плохой прогноз. Высокий риск рецидива. Нет таргетной терапии. Только химия, лучевая, операция. И надежда, которой почти нет.

— У вас есть вопросы? — спрашивает врач.

Я молчу. Мой мозг врача работает четко, холодно, как аппарат МРТ. Я уже строю план. Химиотерапия неоадьювантная, четыре курса, потом операция, потом лучевая. Потом снова химия. Потом наблюдение. Потом... если повезет.

— Нет, — отвечаю я. — Вопросов нет.

Врач смотрит на меня с удивлением. Она привыкла к слезам, к истерикам, к вопросам «за что?». А я сижу с каменным лицом и планирую лечение, как будто речь не обо мне. Как будто я читаю чужую историю болезни.

— У вас кто-то есть? — тихо спрашивает она. — Муж, семья?

— Да. — Я впервые улыбаюсь за этот час. — Муж. Он врач. Мы справимся.

Мы справимся. Я повторяю это как мантру, выходя из кабинета. Как молитву, садясь в такси. Как клятву, покупая билет на ближайший поезд.

Я еду домой. К Тимуру.

Мы справимся.

Поезд мерно стучит колесами. За окном проплывают темные леса, редкие огни полустанков, мокрые платформы с одинокими фигурами. Я сижу у окна, обхватив себя руками, и смотрю в черноту.

В кармане пальто — заключение онколога. Листок, который разделил мою жизнь на «до» и «после». Но я не верю в приговоры. Я реабилитолог. Я ставила на ноги пациентов, от которых отказались лучшие клиники. Я учила заново говорить тех, кого считали немыми. Я возвращала к жизни тех, кто уже простился с ней. Я умею бороться. Я буду бороться.

Главное — Тимур. Главное — чтобы он был рядом.

Я закрываю глаза и представляю, как войду в его кабинет. Он поднимет голову от бумаг, увидит мое лицо, сразу поймет. Встанет, подойдет, обнимет. Впервые за тринадцать лет обнимет первым. Скажет: «Не бойся, я с тобой». И я не буду бояться.

Я засыпаю под стук колес, и мне снится, что мы танцуем. Медленный вальс в пустом зале. Тимур держит меня за та-

лию, смотрит в глаза, и в его взгляде нет той привычной холодности. Есть только я. Только мы.

Поезд прибывает в десять вечера. Я бегу по перрону, ла-вируя между редкими пассажирами. На мне легкое пальто, питерский дождь промочил его насквозь, но мне не холодно. Меня греет мысль, что через полчаса я буду дома.

Я звоню Тимуру. Гудок. Второй. Третий.

— Да. — Его голос сухой, отстраненный. На фоне слышны голоса.

— Тимур, я приехала. Я сейчас буду в клинике. Мне нужно тебе сказать.

— У меня планерка.

— Это важно. — Я сжимаю трубку так, что пальцы белеют. — Очень важно. Я получила результаты.

Пауза. Я слышу его дыхание. Один вдох. Второй.

— Приходи через час. — Он отключается.

Я смотрю на телефон. Час. Я могу подождать час. Я ждала тринадцать лет нежности. Подожду еще час.

Я еду в клинику. Вхожу в пустой вестибюль, здороваюсь с охранником. Он удивленно смотрит на меня — Ева Андреевна в такое время, без халата, с мокрыми волосами. Я прохожу мимо, поднимаюсь на третий этаж.

Отделение неврологии. Здесь все знакомо до боли. Каждый кабинет, каждый запах, каждый звук. Здесь я проработала пятнадцать лет. Здесь я встретила Тимура. Здесь я стала его женой. Здесь я ждала его после операций, носила ему

кофе в его кабинет, сидела на этом диване в коридоре, проверяя истории болезней, чтобы быть рядом.

Здесь моя жизнь. И здесь она, кажется, заканчивается.

Я подхожу к его кабинету. Свет горит. Я уже поднимаю руку, чтобы постучать, но замираю.

Жалюзи опущены неплотно. Между ламелями — узкая полоска света. Я вижу край стола. Край кресла. И их.

Тимур стоит у стола. Перед ним на коленях — она. Молодая, светловолосая, в расстегнутом халате. Его рука у нее на затылке, пальцы перебирают волосы. Она запрокидывает голову, закрывает глаза, и на ее губах — улыбка блаженства.

Я не слышу звуков. Стекло, бетон, расстояние — они крадут звук, оставляя только картинку. Немое кино. Страшный фильм, в котором я — зритель, а на экране — моя жизнь, которую у меня украли.

Он наклоняется. Целует ее. Долго, глубоко, жадно. Я никогда не видела, чтобы он целовал так. Меня он целовал быстрыми, сухими поцелуями — в лоб, в щеку, в плечо. Как целуют родственницу. Как целуют привычку.

А ее — как воду в пустыне. Как воздух после удушья. Как последнюю женщину на земле.

Я не могу двинуться. Не могу вдохнуть. Стою и смотрю, как игла биопсии входит в мою грудную клетку снова и снова. Только эта игла острее. Она вынимает не клетки — она вынимает душу.

Она говорит что-то, смеется. Тимур улыбается. Он улыбается! Я не видела его улыбки год, два, три. Я забыла, как выглядят его зубы, как собираются морщинки у глаз. Он улыбался мне только на свадьбе. Тринадцать лет назад.

А сейчас улыбается ей.

Она встает. Поправляет халат. Садится на край его стола — того самого стола, за которым он подписывал наши с ним документы, за которым я сидела, ожидая, пока он закончит работу. Садится и обвивает его шею руками. Он наклоняется к ней. Еще один поцелуй.

Я делаю шаг назад. Натыкаюсь спиной на холодную стену. Не чувствую боли. Не чувствую ничего, кроме ледяной пустоты, которая разрастается внутри, вытесняя кровь, воздух, жизнь.

Я должна уйти. Должна развернуться и исчезнуть, пока он не увидел меня. Сохранить остатки достоинства. Унести свою боль в темноту, где никто не увидит, как я разваливаюсь на части.

Но я не ухожу.

Я смотрю, как она поправляет прическу, как соскальзывает со стола, как касается его груди ладонью. Я смотрю, как он берет ее руку, подносит к губам. Я смотрю, как она улыбается.

И тогда он поднимает глаза.

Смотрит прямо на меня. Сквозь щель в жалюзи. Сквозь стекло. Сквозь тринадцать лет моей любви, которую я скла-

дывала к его ногам, как дура, как преданная собака, как женщина, которая не знала, что можно быть счастливой иначе.

Он не отдергивает руку. Не отстраняется. Не делает вид, что ничего не было. Он просто смотрит. Спокойно. Равнодушно. Как будто я — случайный свидетель, который зашел не вовремя. Как будто я — не его жена, а медсестра, принесшая истории болезней.

Я открываю дверь.

Она оборачивается. Молодое, красивое лицо. Испуганные глаза. Она узнает меня. Конечно, узнает. Все в этой клинике знают жену заведующего.

— Ева Андреевна... — лепечет она, застегивая халат дрожащими пальцами. — Я... мы...

— Выйди, — говорю я. Голос чужой, не мой. Высокий, тонкий, как леска.

Она смотрит на Тимура. Он кивает. Она выскальзывает за дверь, и мы остаемся вдвоем.

Тишина. Только часы на стене отсчитывают секунды. Только мое сердце бьется где-то в горле, мешая дышать.

— Тимур. — Я произношу его имя, и оно обжигает губы. — Ты... с ней?

Он молчит. Стоит, опершись руками о стол, смотрит в окно. На его лице — ни стыда, ни раскаяния.

— Я не искал интрижки, — говорит он наконец. — Так получилось.

Так получилось. Тринадцать лет брака. Тринадцать лет, когда я ждала его с дежурств, грела ужин, растирала уставшую спину. Тринадцать лет, когда я растворялась в нем, теряла себя, забывала, что у меня есть голос, желания, право на любовь. Итог — «так получилось».

— Ты вообще любил меня когда-нибудь? — спрашиваю я. Тишина.

Я смотрю на него. На его профиль, четкий, точеный, красивый. На седые волосы у висков. На руки, которые держали сотни жизней. На губы, которые только что целовали другую.

Он молчит.

Секунда. Минута. Вечность.

— Ответь мне, — шепчу я. — Пожалуйста. Я имею право знать. Я имею право хотя бы на это.

Он поворачивается. Смотрит на меня. В его глазах — пустота. Не равнодушие даже, нет. Равнодушие — это когда есть что-то, к чему можно быть равнодушным. А здесь — ничего. Абсолютный ноль.

— Ева, — говорит он. — Ты хочешь поговорить о любви? Сейчас? С твоим диагнозом?

Я замираю.

— Ты знал? — Мой голос срывается. — Ты видел мои анализы? Ты знал, когда отправлял меня в Питер? Знал?

— Я видел твои снимки, — отвечает он спокойно. — Еще неделю назад.

Неделю. Он знает неделю. И ни разу не подошел, не обнял,

не сказал: «Не бойся». Он смотрел, как я собираю чемодан, как целую его в щеку на прощание, как обещаю привезти ему питерский кофе. И молчал.

— Почему ты не сказал мне? — Я чувствую, как по щекам текут слезы. Я не плакала у онколога. Не плакала в поезде. А сейчас плачу, и не могу остановиться. — Почему ты позволил мне ехать одной? Почему не был со мной?

— Потому что это ничего не меняет. — Он говорит это так, будто обсуждает погоду. Будто не моя жизнь висит на волоске. — Ева, посмотри правде в глаза. Твой диагноз — рак.. Через год тебя может не стать.

Каждое слово — удар. От человека, которого я любила больше жизни.

— Что ты говоришь? — Я пячусь к двери. — Тимур, что ты говоришь?

— Я говорю то, что ты не хочешь слышать. — Он делает шаг ко мне. Не чтобы обнять. Чтобы добить. — Я видел твои анализы. Тебе жить осталось два понедельника. И ты пришла сюда выяснять, люблю я тебя или нет?

Два понедельника. Он сказал: два понедельника.

У меня останавливается дыхание.

— Ты... ты правда так думаешь? — Я еле шевелю губами. — Ты думаешь, я умру?

— Я думаю, что нужно смотреть фактам в лицо. — Он садится в кресло. Устало потирает переносицу. — Ева, давай без истерики. У тебя есть имущество. Квартира, дача, вклад

в банке. Наследство от отца, труды его жизни, его научные работы, которые он тебе оставил. Пока ты еще в состоянии, нужно оформить завещание.

— Завещание? — переспрашиваю я. — На кого?

— На меня. — Он смотрит мне прямо в глаза. — Кому еще? У тебя никого нет. Отца не стало, мать умерла, детей вы не нажили. Все, что есть — мое по закону. Но лучше оформить, чтобы не было проблем.

Я не верю своим ушам. Я стою перед ним, с папкой, в которой лежит мой смертный приговор, а он говорит о квартире. О даче. О вкладе в банке.

— Ты... — Мой голос прерывается. — Ты хочешь, чтобы я написала завещание на тебя?

— Это разумно. — Он пожимает плечами. — Тебе все равно в могилу ничего не забрать. А так я смогу распорядиться наследством твоего отца правильно. Он был великим ученым. Его труды не должны кануть в лету.

В могилу.

Он сказал: в могилу.

Я смотрю на свои руки. На обручальное кольцо.

— Тише, Ева! — шипит он, оглядываясь на дверь. — Все отделение услышит!

И тогда во мне что-то взрывается. Тринадцать лет молчания. Тринадцать лет терпения. Тринадцать лет любви, которую я дарила, не получая ничего взамен. Тринадцать лет иллюзии, что он хороший, просто сдержанный. Тринадцать лет

лжи — себе, о нем, о нас.

— Сам ты тише! — кричу я. — Ненавижу! Ты слышишь? Ненавижу тебя!

Я размахиваюсь. Ладонь встречается с его щекой. Звук пощечины — мокрый, хлесткий, позорный. Его голова дергается в сторону. На щеке проступает красное пятно.

Он смотрит на меня. В его глазах — удивление. Он не ожидал. Он думал, я проглочу. Я всегда глотала. А сейчас — нет.

— Ева... — начинает он.

Но я уже не слышу. Я выбегаю в коридор. Бегу, спотыкаясь, натываясь на стены, на двери, на людей, которые смотрят на меня с изумлением. Я бегу из этой жизни, из этого брака, из этой любви, которая оказалась фальшивкой.

На улице дождь. Холодные иглы впиваются в лицо, смешиваются со слезами, стекают по шее за воротник.

В сумке внезапно слышу мелодию.

Трясущимися руками, я достаю телефон и вижу на экране номер...

Не может быть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.